

Группа МХАТа имени Горького на юбилейном вечере. Мизансцена в старом стиле.

ВРАГИ ЛЬ СОЖГЛИ ЕДИНСТВО МХАТа?

(Окончание. Начало на стр. 1)

успели по второй части вечера на сцене, покидали ее только в случае крайней необходимости, досидев почти до половины первой ночи, пока наконец на сцену не вышли шпаны, которые увлекли дорониновскую труппу в «неформальный» плясик. Уложились к часу. К тому моменту, когда в зале загорел свет и Татьяна Доронинова, отказавшись от пространный заключительного слова, ограничилась словами «Спасибо всем!» и пожеланием побед, в зале было от силы человек тридцать-сорок. Гардеробы остались ночевать в театре.

А к началу зал был буквально переполнен. Миллины дежурила на входе, ее полновесные многоголосные желавшие. Стояли даже на ярусах. Телевизионщики буквально сохлились за Геннадием Злотниковым и Сергеем Бабуриним, хотя в зале было много и других замечательных людей. Ну, чуть опоздав, прошли в первый ряд вице-мэр Москвы Валерий Шаников, министр культуры Владимир Егоров, председатель ВТГРК Михаил Швыдкой. В партере сидели Эдвард Радзинский, Николай Губенко с женой Богатовой, Егор Литачев, Дмитрий Язов, Марк Рудинштейн, Сергей Михалков, Валентина Талызина.

Наконец на сцену вышли Татьяна Доронинова и вице-премьер Валентина Матвиенко. Опираясь, которой их встретили сто, конечно, отнеслись к Дорониновой. Матвиенко зчитала все то же послание президента, но адресованное уже Татьяне Васильевне, поздравительная. И в вечер, предпринятый режиссером Дорониновой «Кажики мы являемся наследниками... что судили?» начался. Как и во МХАТе имени Чехова, для юбилейных торжеств на Тверском выбрали форму мизансцены.

Можно сказать, что и сам капустник, и последовавшие во второй части поздравления, все почти до единого, слушались и смотрелись достойно. Редко когда голову посещала крамольная мысль — странная все-таки и тяжкая доля у России, с вечной ее дилеммой и выбором между сдерживаемыми патриотизмом и реформаторством, у нас если реформатор — так обязательно вор, а если патриот — так непременно антисемит. Но, конечно, подобные мысли лезли в голову не тогда, когда со сцены полагали пели «Это русское искусство хочет выжить в наши дни». Куда спокойнее, чем во МХАТе имени Чехова, в торжественном МХАТе пели и говорили про раздел Шутини — тоже достойное. Играли потуги из спектаклей театров, сменяя костюмы «Журиена» на гимнастерки из «Теркина». На мелодию «Дубинушки» пели «Есть в России театр с горьким именем МХАТ». «Изм — Враги сожгли единство МХАТа». К театральным критикам Валентин Клементьев обращался с монологом Нечистоты: «Комедианты! Вы — порождение крокодилов...» Иногда, как уже было сказано выше, перебивали эти пифарии и скреда. Что буржуазия, без ее же кинор выводит тяжеловеснее, ментальность, как видно, такая в России неслесая.

Не обошли старых своих обидчиков — на музыку знаменитого зонта Курта Вайля из «Трехгрошовый оперы» были пропеты куплеты критика Смуглинского (назек, понятно, на Анатолія Сметанского. См. о нем в интервью Татьяны Дорониновой в номере от 24.10.98). «Я из дилетанта, буржуазия в тело МХАТа алет тогда, чтобы скверно от искусства отделили в нем навсегда. Я театра разделила, между прочим, не хотел. Следующим «протацили» режиссера Ростовского (читай — Розовского, который призывал некоторое время назад Доронинову снять со своего фасыда гордое имя МХАТа). Почти все главные роли играл молодой Сергей Габриэлиани. Заключили на несколько песенемистической ноте: «Я терпелая, но я хочу узнать, за что нас наказали?»

Объявили антракт. В фойе продавали альбом, выпущенный к столетию театру, тарелки с изображением Станиславского и Немировича-Данченко — основателей МХАТа имени М. Горького, выпущенные тиражом 250 экз. Ломоносовский фарфоровый заводом, давним поклонником театра и, как оказалось, Горького тоже (когда-то Горького заводом с Шалеевичем выбрали даже в «почетные фарфоровости»). Антракт затянулся на час. Как потом выяснилось, не затем, чтобы «дотянуть» по продолжительности до вечера во МХАТе у Ефремо-

ва. В антракте Доронинова встречалась с министром культуры Егоровым. Разговор был непрестым.

Когда занавес открылся, на сцене сидела вся труппа. Очень традиционная Доронинова — в центре, вокруг — «старички», выше и дальше — молодежь. Было видно, что театр не привык к официальным торжествам, но все держалось — снова больше всего подхватил это слово — с достоинством. Официальную часть открыл вице-мэр Москвы Валерий Павлович Шаников, который начал с того, что «вообще-то трудно понимать, почему второй день подряд мы призываем в разных театрах. Но так получилось. А что делать? Наследия хватит за всех. Аудитория респондент, кто истинный, кто настоящий МХАТ». Он сказал, что «по соседству с такими историческими корнями говорить плохо стыдно», и говорил хорошо. И пообещал «помогать, несмотря на то, что театр — российский». И поздравил от Лукича вату, такую же, как накануне — Ефремову. После Шаникова на сцену вышли спешившие из городов Дмитрова, нахаживающие пою пою спешившие в Камергерском.

Из политических следует отметить выступление посла Белоруссии и последовавший затем музыкальный прикет послу и самому президенту Лукашенко — от театра Запомнились слова: «И к победе ее Лукичским приводит с боями... Тяжкая борьба, горькая судьба. Белоруссия так встречала МХАТ, словно он — твой брат. Ты любовь моя, Белоруссия».

От театра Маяковского поздравляли бывшие партнеры Дорониновой Александр Лазарев и Светлана Немолоса, поздравляя, чтобы все плохое осталось в «тебе ста годах». А Лазарев поздравил Татьяну Васильевну словами Дон-Кихота из мюзикла «Дон-Кихот»: «Доронинова моя, а не ты!»

«малюкоше», встречала, обнимала и целовала так, точно она только что освобождена после долгих дней заключения. Потом уже, в начале первого, ректор Литинститута Сергей Есин сказал, что, может быть, и не выпил бы, если бы не видел, что тут все случается.

Перечислим через запятую сменявших друга друга поздравляющих: Владислава Пыляка и Ирину Арзипова (он спел русскую песню, она похристостовала театр из зала), Лесепинская и Талызина — от ЦДР. От МХАТ имени Чехова — актриса Киндинова, директор Ефимов и замдиректора Корчевникова. Пытались взять зал истерикой. Не получилось. Выглядело отретированно, в потому неорганично. «Новая опера» представила специальный номер. Хорошо говорящий генерал армии Говоров, который назвал МХАТ гордостью всего советского народа, и заявил тем аллодисметы. Такие отговорки и специально сказанные слова воспринимались залом, в котором была одна женщина с бирюзовым флагом СССР, с несказанным воздушным шелем. Говоров же сказал: «Многие сейчас забывают о русском национальном искусстве, а вы напоминаете, что оно живо и будет жить. Не только нас разделяли, но и нас разделяли. Но не развалили!» и поблагодарил «нашу коммунистическую партию», которую «воспитала нас и вела на полигоне в годы войны и после войны» (опеши). Маршал Язов впервые побывал во МХАТе в 43-м, смотрел «Фронт Корнейчука». «Я был в восторге, а был пленен игрой артистов и горю тем, что мне довелось записать Москву».

Неским поздравил специально издольную полкову — чтобы выдирать дурь из мозгов наших врагов». Артисты Малого, кажется, разделились на две группы. Юрий Коряков откровенно хронизировал над «царским» поздравлением Малого во МХАТе имени Чехова, а Афанасий Кочетков, сколько раз сославшись на последние публикации «НГ», высказал сомнение в том, что Чехов в Камергерском смотрит на чеховский МХАТ — он явно повернулся к Тверскому бульвару. Они поблаговарили Доронинову за непреклонную любовь к Горькому. За ту же любовь Ломоносовский фарфоровый завод поздравил Доронинову статуэтку Горького-буржестника.

Потом кинорежиссер Натансон выразил уверенность, что «если бы Немирович-Данченко увидел восставших «Трех сестер», он бы крепко обнял Татьяну Васильевну, как он любил обнимать красивых женщин», и поздравил театру свою сценария фильма о Булгакове, а саму Доронинову тут же утвердил на роль Ахматовой. Потом Дорониновой поздравил полярный ледикон. От Клякова — золотой павсечник о «трех головах», чтобы напоминать о трех китах, на которых Россия держится — православная вера, православный тогуляр и православный народ. Он же посвятил Татьяне Васильевне свою новую скульптуру — Святого Иованна Кронштадтского, который, правда, пока стоит в мастерской и жлет своего часа Сергей Есин пообещал воплотить идею Школы-студии МХАТа имени Горького при Литинститута. Станислав Кунев прочел стихи о Чехове: «Любил он русскую всемирность, а метельность не любил». Поэт Костров — в панзана — сказал, что если бы друг его Аннушкин был сейчас жив, «Чехов стоял бы здесь» (хотел в визу памятнику в Камергерском). И ввел Доронинову в Книгу почта Фонда 200-летия Пушкина, в российские писатели приняли ее тут же в свой союз. И закончил стихами Нгула Коржакина: «А кони все скачут, и скачут, в избу горят и горят».

Группа МХАТа имени Чехова за столиками и среди своих «веток» — актеров других московских театров, чтобы не вытеснить из «МХАТ» — фото Артема Чернова (НГ-фото).